

Круковский Михаил Антонович

**Олонецкий край. Путевые
очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Антонович К.**
Олонецкий край. Путевые очерки / Круковский Михаил Антонович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 264 с.

ISBN 978-5-519-91285-3

ISBN 978-5-519-91285-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Стоитъ только отъѣхать отъ Петербурга къ сѣверу на двѣсти—триста верстъ, какъ мы изъ столицы государства попадемъ въ такую глушь, гдѣ рѣдкій человѣкъ умѣетъ читать, гдѣ деревни отдалены одна отъ другой на десятки верстъ, гдѣ растутъ непроходимые лѣса, въ которыхъ свободно разгуливаетъ медвѣдь.

Одинъ изъ ближайшихъ къ Петербургу такихъ дикихъ, заброшенныхъ и нетронутыхъ уголковъ—это Олонецкій край; онъ простирается отъ Ладожскаго озера до Ледовитаго океана и отъ Финляндіи до р. Онеги. Благодаря своей заброшенности и отсутствію желѣзныхъ дорогъ, Олонецкій край почти единственный, гдѣ можно услы-

шать настоящей народный, русскій языкъ, встрѣтить древніе костюмы и даже самый типъ прежняго великороса.

Этотъ заброшенный уголокъ нашей родины мнѣ и удалось посѣтить не такъ давно.

I.

По Невѣ.—Шлиссельбургъ.—Ладожское озеро.—Ночная буря.—Крушеніе «Александра Свирскаго».

Путь въ Олонецкій край простой. Его хорошо знали еще древніе новгородскіе ушкуйники (разбойники), смѣло на лодочкахъ переплывавшіе бурное Ладожское озеро. Теперь этотъ путь совершается на пароходахъ, въ полтора—два дня.

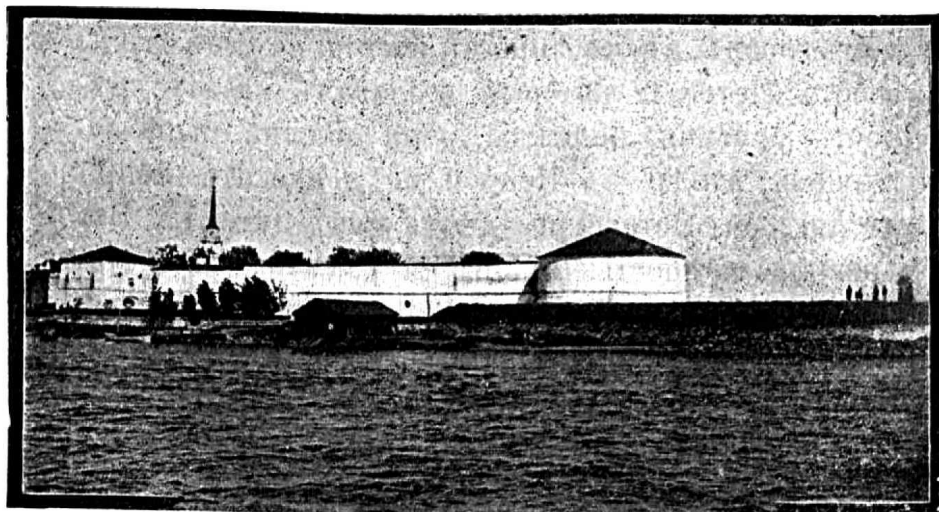
Большой пароходъ морского типа выходитъ изъ Петербурга и идетъ вверхъ по Невѣ среди плоскихъ береговъ, застроенныхъ сначала фабриками, потомъ дачами. Нева имѣетъ въ длину всего 60 верстъ; изъ нихъ пароходу надо пройти 50, чтобы добраться до Ладожскаго озера. Этотъ переходъ совершается въ теченіи пяти—шести часовъ.

Путь отъ Петербурга до Онежскаго озера и дальше до Сѣв. Ледовитаго океана полонъ воспоминаніями объ историческихъ событіяхъ. Здѣсь на каждомъ шагу видны заботы могучаго Преобразователя Россіи Петра I, построившаго Петербургъ и защищавшаго это свое дѣтище отъ вторженія шведовъ, которые тогда были близкими сосѣдями. Старинная Шлиссельбургская крѣпость, стоящая при истокахъ Невы, и построенный тутъ же рядомъ городъ, въ особенности посвятъ на себѣ слѣды заботъ Петра I, который возлагалъ на эту крѣпость большія надежды. Она должна была защищать входъ въ Неву и не допускать неприятеля до Петербурга воднымъ путемъ. Это древняя крѣпость; стѣны ея какъ будто выходятъ прямо изъ воды, по угламъ башни, по стѣнѣ шагаетъ часовой съ ружьемъ на плечѣ; по того значенія, которое крѣпость имѣла при Петрѣ I, теперь она не имѣетъ. На берегу противъ крѣпости раскинулся небольшой городокъ — Шлиссельбургъ, также потерявшій всякое значеніе, несмотря на близость къ Петербургу, и на то, что отсюда начинается Ладожскій обводный каналъ.

Нева въ своемъ верхнемъ изобилуетъ порогами и для судоходства крайне неудобна. Пароходы проходятъ въ озеро и оттуда въ рѣку, съ большими затрудненіями, потому что для прохода ихъ есть мѣсто меньше десятка саженой.

Ночью же пароходы не рѣшаются ни войти въ рѣку, ни выйти изъ нея въ озеро и часто стоятъ до утра, а иногда и дольше, если утро туманное. Поэтому и мы торопились засвѣтло пробраться чрезъ пороги и выйти въ открытое озеро.

Быль уже вечеръ, когда мы миновали пороги. Дулъ сильный вѣтеръ, и Ладожское озеро было сплошь покрыто громадными волнами, гребни

Шлиссельбургская крепость.

которыхъ доходили до борта парохода. Озеро это—одно изъ самыхъ большихъ, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ (въ длину оно имѣетъ 300 в., въ ширину 160 в.) и окрестные жители часто называютъ его моремъ. И дѣйствительно, на Ладожскомъ озерѣ часто поднимается

буря, въ особенности въ осеннее время, не уступающая морской: волны поднимаются на нѣсколько сажень въ высоту и тогда пароходу приходится плохо. Поэтому-то и мы, глядя на усиливающійся вѣтеръ, не рѣшались пуститься въ бурное озеро, а остановились въ виду крѣпости, близъ верховья Невы, ставъ на двухъ якоряхъ.

Мы жалѣли, что не поѣхали обводнымъ каналомъ, хотя тотъ путь и болѣе долгій; тамъ всегда спокойно и безопасно, тамъ ходятъ небольшіе пассажирскіе пароходы и трешкоты. Въ особенности жалѣли объ этомъ тѣ, которые торопились: буря могла задержать ихъ на нѣсколько дней; но возвращаться назадъ капитанъ отказался; позади насъ были пороги, и мы вынуждены были провести всю ночь на пароходѣ.

Съ самаго выѣзда изъ Петербурга я познакомился со старичкомъ, отставнымъ полковникомъ, который ѣхалъ въ Олоонецъ. Онъ былъ попутчикомъ мнѣ и, какъ мѣстный старожилъ, разсказывалъ мнѣ объ Олонецкомъ краѣ много интереснаго. Мы помѣстились съ нимъ въ кушѣ другъ противъ друга и устроились такъ удобно, какъ будто собирались проплыть не Ладожское озеро, а Тихій океанъ.

— Ложитесь, — говорилъ старичекъ полковникъ — лежите смирно, постарайтесь уснуть и не заболѣете.

Но я не подверженъ морской болѣзни и мнѣ доставляло удовольствіе бродить на качающемся пароходѣ изъ каюты въ общую и обратно. Я видѣлъ блѣдныя лица пассажировъ, то тревожныя, то страдающія; изъ сосѣднихъ каютъ доносился сквозь ревъ бури женскій крикъ, всюду стоялъ запахъ нашатырнаго спирта, который усердно нюхали страдавшіе морской болѣзною.

Я попробовалъ открыть дверь и выглянуть на палубу. Тамъ былъ какой-то хаосъ, черный, ужасный, въ которомъ свирѣпо вылъ и бѣсновался вѣтеръ, сразу окатившій меня съ головы до ногъ цѣлымъ дождемъ воды. Гдѣ-то впереди, должно быть на носу, мелькалъ красный цвѣтъ фонаря, а кругомъ ни зги.

Было мрачно и неуютно, и я поспѣшилъ уйти въ каюту.

Лежа на диванѣ съ закрытыми глазами, я испытывалъ какое-то странное ощущеніе: то вдругъ опускался куда-то внизъ, въ пропасть, то начиналъ подниматься все выше и выше, чтобы, на одно мгновеніе остановившись, снова опуститься въ бездну. И мнѣ представлялись тѣ громадныя водяныя горы и долины, въ сравненіи съ которыми нашъ пароходъ былъ просто наипросто пигмей, но съ которыми онъ отчаянно боролся.

— Вотъ, то же самое было лѣтъ почти двадцать тому назадъ съ «Александромъ Свирскимъ»,—

ровнымъ, спокойнымъ голосомъ говорить полковникъ.

— Какъ съ «Александромъ Свирскимъ»? Вѣдь это, помнится, святой, жившій что то давно...

— Такъ назывался пароходъ — сказалъ полковникъ, смѣясь моему невѣжеству.

— Что же съ нимъ случилось?

— Разбился! — невозмутимо сказалъ онъ.

— Разбился? Какимъ образомъ? Расскажите, интересно послушать.

— Интересно-то интересно, только не дай Богъ никому очутиться въ такомъ интересномъ положеніи, въ которомъ находились мы.

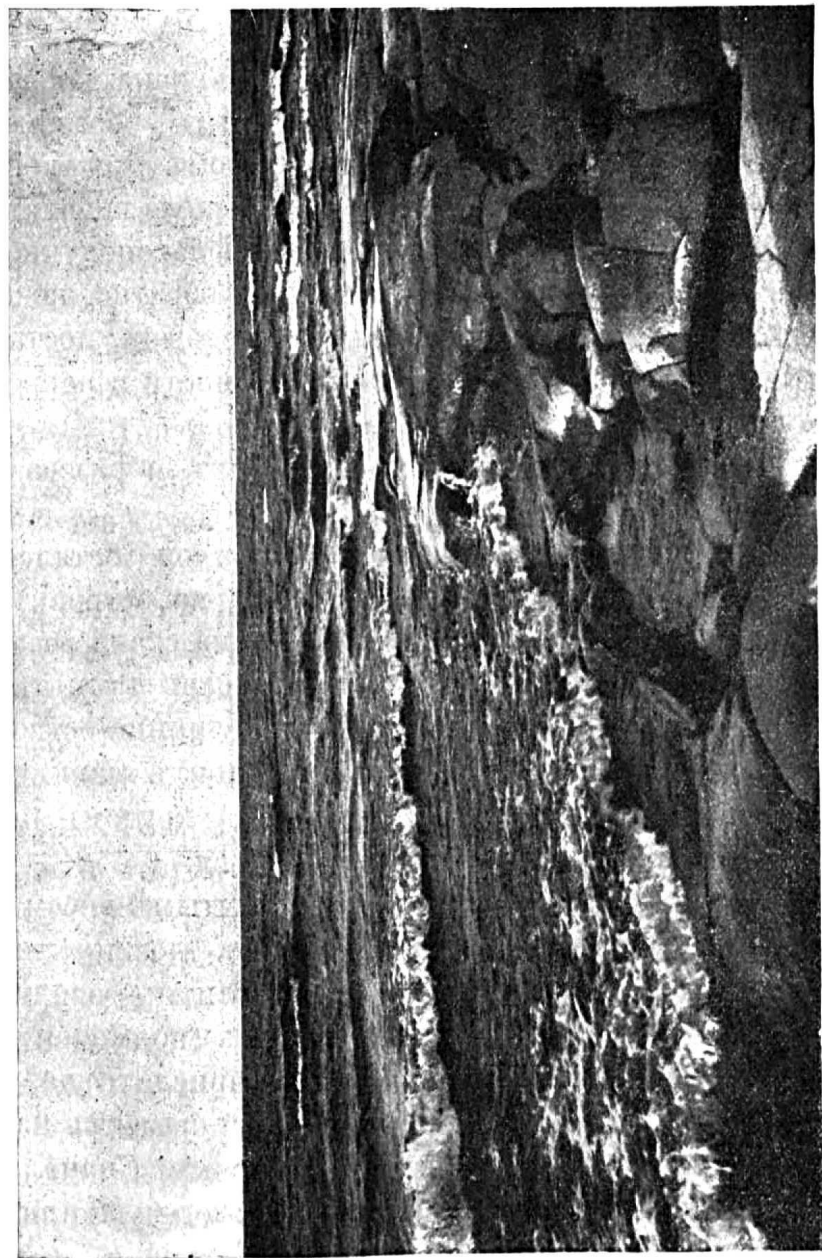
— Какъ, и вы тамъ были? Да расскажите же... просилъ я его.

— Да, вотъ давно было, а какъ сейчасъ помню, и бурю, и пароходишко, и трескъ... Въ сентябрѣ ѣхали, а осеннія бури здѣсь всегда страшнѣе весеннихъ, потому — вѣтеръ низовой. Ночью ѣхали, и застала насъ буря въ открытомъ мѣстѣ. Тутъ вотъ мы качаемся въ двухъ верстахъ отъ крѣпости, недалеко и Кошкинъ маякъ; въ случаѣ чего — сигналъ, и спасеніе не замедлитъ; а тамъ застала насъ буря почти посреди озера, въ 50 верстахъ отъ берега, и начала швырять изъ стороны въ сторону. Женщины подняли крикъ... Въ особенности шумѣла одна; она рвалась къ капитану, кричала — держите ближе къ берегу; за ней

и другія. Капитанъ послушался. Вдругъ, трескъ... Страшный, противный... кажется по живому сердцу кто рѣзнулъ.

Мы всё повекакали, бѣжимъ на палубу: темъ, ни зги, ревъ вѣтра, крики, просто адъ.—Вода!—кричитъ кто-то,—вода въ носовой части! Всё зашуетилась. Смѣрили воду—20 футъ: плыть можно. Вдругъ среди бури и криковъ слышимъ голосъ капитана, — здоровый былъ голосъ, — какъ гаркнуть изъ всѣхъ силъ, всё сразу и успокоилось. — «Ходъ впередъ»!—слышимъ команду, машина работаетъ и пароходъ идетъ впередъ. У всѣхъ сразу полегчало на душѣ, точно гора съ плечъ свалилась. Вдругъ опять — трррахъ! Опять рѣзнуло по сердцу, опять крики, шумъ... Ахъ, чтобы тебя, думаю,—этакъ чего добраго утонешь, пропадешь ни за шухъ табаку... Оказалось, что мы наскочили на скалы, а подводныя части парохода получили пробойны.

Сѣли мы какъ раки на мель. Но капитанъ успокоилъ насъ обѣщаніемъ спустить шлюпку и доставить всѣхъ на берегъ, вѣрнѣе на скалу. Мы остановились саженьхъ въ 50 отъ скалистаго Суховскаго островка, на которомъ стоитъ маякъ: свѣтъ его мы видѣли простымъ глазомъ. Этотъ островокъ находится въ юго-восточной сторонѣ озера, верстахъ въ 50 отъ Новой Ладогги. Вотъ на эту то скалу и начали перевозить насъ.

ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО.

Прежде всего послали съ парохода канатъ, закрѣпили его на островѣ и такимъ образомъ устроили сообщеніе между пароходомъ и скалой. Едва начало свѣтать, отправили первую шлюпку. Благополучно. Потомъ вторую, тоже благополучно. Часовъ пять ѣздили шлюпки туда и обратно, пока всѣ 150 человѣкъ пассажировъ не были доставлены на скалу въ полной сохранности и невредимости.

— И никто не погибъ?—перебилъ я рассказчика.

— Никто. Капитанъ съ командой остался тамъ, на суднѣ, а мы помѣстились на островкѣ. Ну, и островъ же, скажу вамъ; одна скала, возвышающаяся на 2 сажени надъ водой, такъ что иной валь, поди, перебѣжить ее: величина острова—сажень 150 квадр., тутъ же стоитъ маякъ и маленькая избушка для сторожа. А кругомъ ни деревца, ни кустика, чтобъ укрыться.

Ну, разумѣется, всѣ подъ открытымъ небомъ и расположились. Вѣтеръ свищетъ, дождь хлещетъ, озеро реветъ, всѣ перемокли и иззябли. Сухихъ вещей нѣтъ, весь багажъ подмоченъ; ладно, что капитанъ догадался прислать пару большихъ брезентовъ. Подъ каждый брезентъ набилось народу, что сседокъ въ бочкѣ. Сначала за брезенты схватились болѣе сильные, мужчины, влѣзли въ середину, а съ краевъ остались жен-